

Михаил Соколов

«Новые правые» интеллектуалы в России: стратегии легитимации постсоветских интегральных традиционалистов¹

Российские «новые правые»: ландшафт интеллектуального мира

«Новые правые» (далее НП) – интеллектуальное движение, основным источником которого является «традиционализм» Рене Генона и Юлиуса Эволы. Традиционалистская доктрина утверждает, что членам архаических обществ был доступен уникальный духовный опыт, которого лишены люди современного мира. Если верить традиционалистам, этот опыт по природе чужд современной субъективности, возвращенной либеральными социальными институтами (политической демократией, рыночной экономикой) и наукой. Возвращение традиционной духовности признается НП наиболее важной политической целью. Предлагаемые ими средства для ее достижения включают реставрацию иерархического социального порядка (особенно сильно эта тема звучит у Эволы), возрождение мифологического мировоззрения (Мирча Элиаде) и решительное предотвращение смешения культур в ходе глобализации (современные НП, в особенности Ален де Бенуа).

Главной целью для НП идеологов второй половины двадцатого века было создание синтетической антилиберальной идеологии. Отдельные аспекты традиционалистской доктрины позволяют НП интеллектуалам представлять свою концепцию как продолжение и развитие идей самых разных культурных течений, от ариософии и мистического расизма до постструктурализма. Так, они настаивают на том, что являются законными наследниками «новых левых» 1960-х, так как также рассуждают о невозможности аутентичного существования в современных капиталистических обществах. Интерес к древним мистическим учениям сближает НП со всевозможными эзотерическими школами, такими, как последователи Кастанеды и Кроули. Указания на важность сохранения пространственно локализованных традиций позволяют им перебросить мостик ко всевозможным геополитическим доктринам. И так далее.

Наиболее характерным отличительным признаком НП как культурного движения является двойное дистанцирование – от левых в плане политической про-

¹ Статья ранее публиковалась в журнале *Ab Imperio* (2006. № 3. С. 321-354). Исследование проведено благодаря поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, которую автор получал в 2004-2005 годах (грант № 04-81354-000-GSS).

граммы, от правых – в плане интеллектуального стиля. В плане политики, НП, как правило, находятся на фланге, противоположном тому, на котором стоит большинство современных интеллектуалов (хотя и не без исключений – см. ниже), но при этом упорно пытаются соответствовать стандартам интеллектуальной респектабельности, поддерживаемым их оппонентами. В отличие от большинства правых радикалов, они не отвергают современную науку и культуру целиком и полностью. Напротив, они стремятся представить себя как наиболее авангардную часть современных интеллектуалов. Один из самых частых сюжетов в их позиционировании себя состоит в отождествлении собственной «консервативной революционности» с пост-постмодернизмом². Более того, они старательно избегают всего того, что могло бы сблизить их со стереотипом необразованного, тупого и параноидального «наци» в том виде, в каком он сформировался в современной культуре. Даже во вполне одобрительных по отношению к Третьему Рейху публикациях отсутствуют, например, такие типичные для «старых правых» темы как отрицание Холокоста или сколько-нибудь откровенный антисемитизм³.

Термин «новые правые» в описанном выше его значении был введен в широкий оборот в 1960-е годы во Франции Аленом де Бенуа. Истории НП в Западной Европе посвящено несколько обстоятельных исследований⁴, которые нет необходимости пересказывать здесь. Ограничусь указанием на то, что, добившись некоторого успеха в привлечении к себе внимания в период, следующий за маем 1968, французские НП практически потеряли влияние к концу 1970-х. Хотя де Бенуа продолжает активно писать, а некоторые из его младших коллег (Иван Бло) сотрудничают с набирающим силу Национальным фронтом, на политической сцене они заметны очень мало⁵. Несколько позднее, в 1970-х, НП сети возникли в Германии и Бельгии, однако, и там их расцвет оказался сравнительно коротким, заняв около десятилетия. Ни в Великобритании, ни в США НП никогда не пользовались даже небольшой долей той поддержки, которую они получили во Франции или Бельгии. Однако, в момент, казалось бы, окончательного упадка

² Такая позиция находит идеологическое обоснование в использовавшейся Геноном и Эволой теории исторических циклов, в соответствии с которой Золотой Век будет восстановлен лишь после того, как себя изживет нынешний, Железный, и, соответственно, попасть в прошлое легче всего, находясь в авангарде развития современного мира.

³ В смысле антисемитизма, исключение составляют НП, идентифицирующие себя с исламским фундаментализмом, такие, как Гейдар Джемаль. Однако, они представляют в движении безусловное меньшинство.

⁴ R. Griffin. *Between Metapolitics and Apoliteia: The New Right's Strategy for Conserving the Fascist Vision in the Interregnum* // *Modern and Contemporary France*. 2000. Vol. 8. No 2. P. 35-53; M. Minkenberg. *The New Right in France and Germany: Nouvelle Droite, Neue Rechte and the New Right Radical Parties* // *The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties* / Ed. P. Merkl, L. Weinberg. L., 1997. P. 65-89; M. Minkenberg. *The Renewal of the Radical Right: Between Modernity and Anti-Modernity* // *Government and Opposition*. 2000. Vol. 35. No. 2. P. 169-188. Взгляд изнутри см. в: T. Sunic. *The European New Right*. N.Y., 1990.

⁵ Кроме того, в последнее время «традиционализм» был практически вытеснен из публичной сферы менее экстравагантными теориями типа социобиологии.

НП в Западной Европе (за исключением Италии – см. далее), это движение пережило бум в России, где достигло больших успехов, чем где бы то ни было.

История российской «новой правой» восходит к возникшему в 1960-е годы андеграундному кружку литераторов и мистиков, собиравшихся в Москве в квартире Юрия Мамлеева в Южинском переулке⁶. Члены этого кружка (Юрий Мамлеев, Евгений Головин, Игорь Дудинский, Юрий Стефанов), читали и переводили на русский, наравне с мрачноватой мистикой Густава Майринка и Говарда Лавкрафта, Рене Генона и Германа Вирта. В середине 1970-х, после того, как южинская богема стала объектом повышенного внимания со стороны КГБ, Мамлеев эмигрировал в Соединенные Штаты, и лидерство перешло к Евгению Головину. Головин создал из наиболее преданных молодых эзотериков организацию, названную им «Черным Орденом СС». Среди тех, кто вошел в этот узкий круг, были Александр Дугин и Гейдар Джемаль, которым предстояло стать основными действующими лицами в истории российского НП движения.

«Черный Орден» не вел какой бы то ни было политической деятельности и был полностью сосредоточен на мистических ритуалах. Никто из российских традиционалистов первого поколения не пошел в своих публичных выступлениях дальше общей критики современности. Младшее поколения, однако, оказалось более политизированным, большинство его представителей было однозначно настроено против либеральных реформ в России⁷. В начале Перестройки Дугин и Джемаль примкнули к «Памяти», в которой быстро завоевали авторитет благодаря своим историко-эзотерическим познаниям. Вскоре, однако, оба были исключены из организации. В последующие годы, Джемаль сотрудничал в основном с исламскими фундаменталистскими группами, а Дугин искал аудиторию среди радикальных оппозиционеров, от КПРФ до РНЕ. В 1994, отчаявшись стать официальным идеологом одной из крупных организаций, он основал вместе с вернувшимся из эмиграции писателем Эдуардом Лимоновым Национал-

⁶ Сколько-нибудь подробная история российского НП движения еще не написана. Наиболее полный обзор его нынешнего состояния на русском языке см. в: К. Фрумкин. Традиционалисты: портрет на фоне текстов // Дружба народов. 2002. № 6. С. 5-41. Значительно больше исследований опубликовано на английском и немецком языках, прежде всего: M. Mathyl. The National-Bolshevik Party and Arctogaia: Two Neo-Fascist Groupuscules in the Post-Soviet Political Space // Patterns of Prejudice. 2002. Vol. 36. No. 3. P. 67-76; idem. Der «unaufhalt-same Aufstieg» des Aleksandr Dugin: Neo-Nationalbolschewismus und Neue Rechte in Russland // Osteuropa. 2002. No. 7. P. 885-990; A. Umland. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Ein-fluß auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Russland: Der Fall Aleksandr Dugin (1990-2004) // Forum fuer osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2006. Vol. 10. No. 1. P. 115-148.

⁷ В этом отношении, Мамлеев и Головин буквально восприняли призывы Генона и Эволы, которые однозначно предписывали своим сторонникам полностью самоустраниться из политической жизни, целиком сосредоточившись на изучении эзотерических дисциплин (Генон всегда был совершенно аполитичен, Эвола активно сотрудничал с фашистской партией, но полностью потерял интерес к политике после падения режима Муссолини). Прочие южинские традиционалисты оказались крайне неоднородны в плане своих политических симпатий. Так, один из их признанных лидеров, Юрий Стефанов, вполне одобрительно относился к Перестройке и краху СССР, а Евгения Дебрянская, первая жена Александра Дугина, возглавила Либертарианскую партию России.

большевистскую партию (членский билет № 2), в которой оставался до 1998 года. Летом 1998 Дугин порвал с НБП, выйдя из нее вместе с кружком своих учеников (самыми известными из них были литератор-анархист Алексей Цветков и публицист Алексей Малер).

После разрыва, Дугин некоторое время сотрудничал с Леводемократическим движением «Россия» Геннадия Селезнева (2000-2001 гг.), а также предлагал свои услуги партии «Родина» (в 2003). С 2000 года Дугин неизменно объявлял о своей безоговорочной поддержке Владимира Путина. Исключительно работоспособный, Дугин с 1990 года до настоящего времени опубликовал 13 солидных монографий, несколько сборников под своей редакцией и бесчисленное множество статей в газете *День/Завтра* и нескольких периодических изданиях, выпускавшихся им самим: журнал *Элементы*, альманах *Милый ангел*, газета *Евразийское обозрение*. Он возглавил собственную партию «Евразия» и Новый университет, лекции в котором кроме него читают Головин, Джемаль и Мамлеев. Кроме них, самые заметные из соратников Дугина на российской «новой правой» сцене – редактор *Элементов* и его нынешняя жена, Наталья Мелентьева, и борец против копирайта Михаил Вербицкий⁸.

Даже на фоне других НП, Дугин необычайно эклектичен. Список основных его увлечений включает, помимо само собой разумеющихся Рене Генона и Юлиуса Эвола, геополитику Карла Хаусхофера, национал-большевизм Эрнста Никиша, евразийство Николая Трубецкого и Петра Савицкого, фрейдомарсизм Герберта Маркузе, теорию парадигм Томаса Куна, постструктурализм и многое другое. Несомненная начитанность Дугина создали ему среди сторонников репутацию «одного из самых значительных философов современности», хотя более внимательные читатели часто оставались в недоумении, придумал ли хоть что-то Дугин сам, или все его сочинения есть удачные компиляции. Дугин лично знаком со многими зарубежными НП (Ален де Бенуа, Роберт Штойкерс), которые считают его одной из важных фигур интернационального движения НП.

Помимо группы людей и изданий, организационно и интеллектуально связанных с Дугиным, за последние 10 лет возникло несколько альтернативных центров. Самый важный из них – группа, сформировавшаяся вокруг журнала *Волшебная гора* и *Философской газеты* (редакторы – Артур Медведев и Мария Мамыко). *Волшебная гора* позиционирует себя как печатный орган исследовательского традиционализма и практически не публикует статьи на политические темы, хотя уделяет много места поэтическим и искусствоведческим сочинениям.

⁸ Отношения между Дугиным и Вербицким загадочны. Вербицкий – математический гений, поступивший в аспирантуру в Гарварде, не имея даже диплома о законченном высшем образовании в России. Получив степень Ph. D., он вернулся в Россию, где стал одним из лидеров борьбы против копирайта в программировании. Вербицкий неоднократно зачислял самого себя в ряды сторонников Дугина, однако, интеллектуально он производит впечатление совершенно независимой фигуры, ориентированной скорее на идеологические ресурсы американского либертарианства (Ноам Хомский, Ричард Столман, Антон Сокаль и др.), которые Дугин никогда не эксплуатировал.

Дугин постоянно критикуется ими за профанацию традиционалистского учения⁹. Среди сотрудничающих с *Горой* авторов выделяются такие фигуры, как востоковед Владимир Малявин, историк фольклора Роман Багдасаров, православный империалист Виталий Аверьянов и переводчик Виктория Ванюшкина¹⁰. Между Дугиным и кружком *Волшебной горы* существует ревнивое соперничество, в результате которого большинство авторов вынуждено выбирать, у кого они будут печататься¹¹. Это не относится, однако, к признанным мэтрам, таким, как Головин, и Джемаль, которые демонстративно отдают свои статьи и Дугину, и Медведеву.

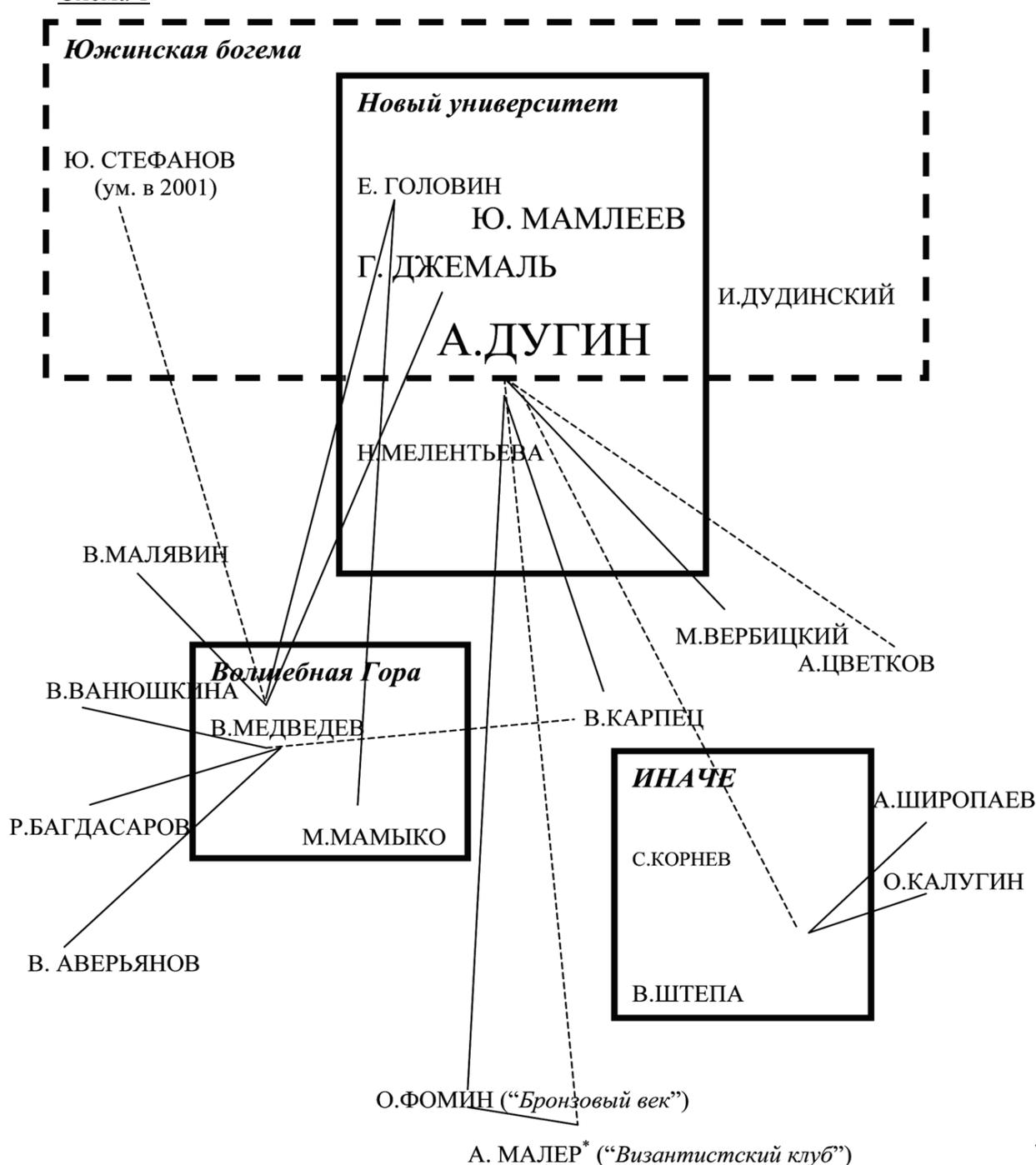
Кроме этих двух важных групп, необходимо перечислить еще несколько более мелких. В их число входят, прежде всего, сетевое издание *ИНАЧЕ* петрозаводского журналиста Вадима Штепы. Штепа более тесно, чем все прочие НП, связан с миром рок-музыки. Его журнал ориентирован на менее искушенную молодежную аудиторию, а его теория, о которой будет еще сказано дальше, отличается от построений Дугина, прежде всего, своей политической тональностью. Штепа, а также его коллега, Сергей Корнев, используют основные идеологемы НП, чтобы бороться за автономию и свободу творческого самовыражения, против засилья «азиатского авторитаризма», воплощенного во всевластии Москвы. Из известных людей, с *ИНАЧЕ* связаны рок-музыкант Олег Калугин и новгородский сепаратист Алексей Широпаев (один из самых известных национал-патриотов 1990-х).

⁹ Свою собственную интеллектуальную генеалогию Медведев возводит к другому члену Южинской группы, поэту и переводчику Юрию Стефанову.

¹⁰ Будучи одной из немногих женщин на «новой правой» сцене, Ванюшкина интересна еще и тем, что она практически единственная из активных членов НП сети, напрямую связанных с экстремистскими группами, такими, как «Русское действие» Константина Касимовского. Составить представление о ней можно по ее онлайн-дневнику: www.livejournal.com/users/ritovita.

¹¹ Так, Владимир Карпец, автор книг о царственной крови Христа, якобы текущей в жилах законных европейских монархов (по жанру книги напоминают *Код да Винчи* Дэна Брауна, но написаны они убийственно серьезно), вынужден был в грубой форме разорвать отношения с *Волшебной горой*, чтобы воспользоваться предложением Дугина печататься у него.

Схема 1¹²

Наконец, надо упомянуть тандем Алексея Малера и Олега Фомина. Малер, аспирант Института философии РАН, является постоянным ведущим Византистского клуба, существующего в этом учреждении уже несколько лет, а Фомин из-

¹² Пунктирные линии обозначают связи, существовавшие в прошлом, но разорванные в настоящее время, сплошные – связи, существующие в настоящее время. Замкнутые фигуры соответствуют устойчивым формальным или неформальным группам, общение в которых было особенно плотным (связи между их членами специально не обозначаются). Размер шрифта соответствует известности соответствующей фигуры, подсчитанной на основании количества упоминаний в Интернете.

дает выходящий крайне нерегулярно журнал *Бронзовый век*. Оба они были среди учеников Дугина, однако, постепенно их отношения охладели – в случае с Малером, до полного разрыва, в случае с Фоминым – до некоторой взаимной отчужденности. Отношения между всеми этими группами иллюстрирует Схема 1.

В России НП обрели беспрецедентное признание на государственном уровне. Дугин и Джемаль периодически появляются на центральных телевизионных каналах в качестве модных политических комментаторов и приглашаются в качестве экспертов государственными учреждениями – чего никогда не случалось с их французскими и германскими единомышленниками. Так, Дугин участвовал в работе Комитета государственной Думы по геополитике и комиссии Генерального штаба, разрабатывавшей оборонную доктрину РФ, и проводил выездные семинары на Родосе для крупных российских чиновников. В среде молодых представителей Нового среднего класса в России «традиционализм» превратился во вполне респектабельное персональное кредо, наравне с неомарксизмом или дзэн-буддизмом.

Относительная частота упоминания имен основных фигур «нового правого» движения в разных языковых зонах Интернет иллюстрирует тезис об их успехе в России. В Таблице 1 приведены частоты упоминаний фамилий Генон и Эвола в Рунете, а также в англо-, франко-, германоязычной и итальянской зонах Сети. Для сравнения приводятся частоты упоминания нескольких наиболее известных публичных интеллектуалов 20 века – Карла Поппера, Жан-Поль Сартра, Луи Альтюссера, Юргена Хабермаса, Клиффорда Гирца, Энтони Гидденса, Пьера Бурдьё, Теодора Адорно, Макса Хоркхаймера, Мишеля Фуко, Жилия Делеза, Франсуа Лиотара. Данные были собраны с помощью машины поиска Google 20 сентября 2005 года.

Как мы видим, популярность традиционалистов в сравнении с другими сопоставимыми фигурами политизированных интеллектуалов значимо выше в русскоговорящей части сети, чем в других языковых зонах. Некоторым исключением является высокая популярность Генона во Франции, а также итальянская зона в целом (здесь интересующие нас показатели близки к российским). Успех традиционалистов в России тем более поразителен, если учесть студенческий характер российского Интернета и то, что, в отличие от большинства включенных в список, традиционалисты пока не нашли пути в учебные планы университетов на сколько-нибудь широкой основе. Основная задача данного исследования состояла в том, чтобы дать объяснение этой популярности.

Таблица 1: Частоты упоминания НП и не-НП интеллектуалов в разных языковых провинциях Интернет (тыс. ссылок)

<u>Зона</u> ФАМИЛИЯ	Русский Язык	Английский язык	Француз- ский язык	Немецкий язык	Итальян- ский язык
ЭВОЛА	11.6	108	0.96	31.2	57.9
ГЕНОН	15.3	112	93.2	0.76	33.4
ПОППЕР	42.6	2500	147	637	222
САРТР	70.8	1770	825	664	183
АЛЬТЮССЕР	0.48	232	62.5	49.7	19.9
ХАБЕРМАС	19.1	1440	124	459	74.2
ГИРЦ	0.63	336	14.9	46.3	12.6
ГИДДЕНС	11.2	1080	32.9	90.5	22.6
БУРДЬЕ	26.7	629	607	257	29.3
АДОРНО	24.9	992	85.5	923	297
ХОРКХАЙМЕР	0.56	212	16.7	190	25.2
ФУКО	110	2480	704	673	154
ДЕЛЕЗ	28.2	770	321	156	75
ЛИОТАР	13.6	398	44.5	72.9	16

Интерпретации

Понятие «легитимации политического языка»

Две основные интерпретации были выдвинуты в литературе, чтобы объяснить всплески и спады популярности НП в европейских обществах. В соответствии с первой из них, традиционализм представляет собой попытку придать интеллектуальную респектабельность «старым правым» радикальным движениям, которая осуществляется интеллектуалами-наемниками, предлагающими свои идеологические услуги политическим силам, страдающим от недостатка собственных «органических» интеллектуалов¹³. В соответствии со второй гипотезой, широкое распространение НП есть ответ на вызов, брошенный «новыми левыми» в 1960-е, исходящий из среды самих интеллектуалов¹⁴. Обе эти гипотезы, однако, не объясняют всех имеющихся фактов, в особенности тех, которые мы наблюдаем в России. Описание НП идеологов как наемников никак не согласуется с тем, что в большинстве случаев, ни в Западной Европе, ни в России, им не удавалось установить сколько-нибудь постоянные контакты с праворадикальными партиями¹⁵.

¹³ Griffin. *Between Metapolitics and Apoliteia*.

¹⁴ Minkenberg. *The New Right in France and Germany*; idem. *The Renewal of the Radical Right*.

¹⁵ Можно привести несколько обратных примеров: сотрудничество Пьера Кребса с Республиканской партией в Германии, или работа Ивана Бло в Национальном фронте во Франции. Тем не

Российский пример особенно красноречив. Дугин на протяжении долгих лет предлагал свои услуги идеолога практически всем крупным националистическим и антилиберальным группам, включая «Память», РНЕ, КПРФ и «Родину», однако, нигде не смог утвердиться. Стать доминирующей фигурой ему удавалось лишь в тех организациях, в создании которых он сам участвовал, как, например, НБП или «Евразия». Платежеспособный спрос на его услуги предъявляли в основном государственные институты, такие, как Генеральный Штаб. Большинство же других НП (например, весь кружок *Волшебной горы* за исключением Ванюшкиной) вовсе не были связаны с какими бы то ни было политизированными группами.

Безусловно, своим нынешним успехом Дугин во многом обязан тому, что смог предложить теоретическую формулу, соответствующую идеологическим потребностям режима. Этой формулой оказалась доктрина «Евразии», великой континентальной империи, противостоящей «народам моря», под которыми понимался Запад. Евразийство Дугина в качестве средства легитимации авторитарной и анти-западной политики Кремля представляло собой привлекательную альтернативу традиционному национализму. Действительно, русский этнический национализм, с которым отождествляли себя организации типа «Памяти» и Русского Национального Единства (РНЕ), вряд ли мог оказаться сколько-нибудь полезным в новых условиях. Интеллектуально он опирался на идеи политических консерваторов позднего имперского периода, которые в новых условиях выглядели даже не реакционными, а уморительно старомодными. Более того, утверждение этнического русского национализма в качестве государственной идеологии в полиэтничном обществе неизбежно вызвало бы политические проблемы, очевидные даже самими националистами¹⁶.

менее, традиционализм не превратился в официальную идеологию ни одной из правых партий, а многие ведущие «новые правые» идеологи (Ален де Бенуа) вовсе воздерживались от подобных контактов, поскольку считали, они заставляют забыть о чистоте доктрины. Так, Бло вынужден был отказаться от антирыночного пафоса исходной НП идеологии и восславить мелких предпринимателей, составляющих заметную долю в электорате французских правых, как опору общества и хранителей европейской цивилизации. Со стороны большей части его бывший единомышленников это вызвало дружное осуждение.

¹⁶ Надо добавить, что подобные проблемы осознавались не только политтехнологами на государственной службе. Это утверждение может показаться неожиданным, но за последнее десятилетие русский радикальный национализм был практически полностью вытеснен с политического рынка. Старые праворадикальные организации, типа РНЕ, распались, а новые, пришедшие им на смену, уже не являются националистическими в строгом смысле этого слова. Большая часть групп скинхедов, например – классические расисты, отождествляющие себя не с русской нацией, а с «Белой расой», и относящиеся к современному российскому государству и «традиционной русской культуре» крайней настороженно в силу присутствия в них «азиатского влияния». О противопоставлении национализма и расизма см.: Б. Андерсон. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 160-173. Характерно, что состоящие преимущественно из скинхедов Народно-национальная партия и Партия свободы горячо поддержали «оранжевую революцию» на Украине, поскольку увидели в ней успешный побег части белого населения из-под расово-чуждой власти Москвы в «Крепость Европу». Сходным образом, хотя пока и менее заметно, часть православных фундаменталистов начинает пересматривать свои безусловно-негативные оценки католичества и протес-

Евразийство Дугина казалось лишенным этих недостатков. Как мы увидим дальше, Дугин позаботился о том, чтобы придать своим теоретическим построениям видимость интеллектуальной новизны и респектабельности. Что было не менее важно, он предложил виденье идеальной социальной организации, одновременно подчеркивающей культурные и этнические различия внутри общества – и гарантирующей равенство их носителей за счет жесткой сегрегации и предоставления каждой этнической группе полноты власти на отведенной ей территории¹⁷. Центральная администрация решает общие военные и политические проблемы, не затрагивая локальной культурной автономии. Изначально, в текстах Дугина фигурировала «великая континентальная Империя», охватывающая всю Евразию в географическом смысле. Однако, по мере того, как статус государственного идеолога учил его осторожности, Дугин ограничивал свой имперский проект границами Российской Федерации, Беларуси, части Украины и Казахстана.

Безусловно, личный политический успех Дугина объясняется в очень большой степени этой его концептуальной находкой, но развитие НП движения в целом нельзя объяснить открывшейся возможностью эксплуатировать удачную идеологическую формулу «Евразии» – хотя бы потому, что, кроме Дугина и группы его сторонников, никто из российских НП не делал «Евразию» основным объектом своих интеллектуальных построений. Более того, почти никто из них не пытался предложить некое альтернативное виденье территориально-локализованной социальной солидарности, которое является, видимо, необходимым элементом правой политической программы¹⁸. Что бы ни привлекало людей в ряды НП, возможность стать политическим «наемником» не была основным стимулом.

Также не выдерживает критики гипотеза, выводящая расцвет НП из культурной реакции на успехи «новой левой». То обстоятельство, что в Западной Европе расцвет НП приходится на десятилетие, непосредственно следующее за Молодежной революцией, вряд ли может считаться совпадением. Однако, связь здесь, видимо, была иной, чем заставляет нас предположить теория культурной реакции. Опять же, тут важен российский пример. В России мы видим относительно мощное НП движение при полном отсутствии сопоставимого по силе «нового левого». Если НП в России и следует по чьим-то стопам, то это стопы либерально-демократического движения времен Перестройки, которое, однако, чрезвы-

тантнизма и обсуждает солидарность «христианского мира» перед лицом «исламской угрозы» (выражением этой тенденции стала книга Елены Чудиновой *Мечеть Парижской Богоматери*). Рассмотрение причин этого сдвига потребовало бы отдельной статьи, здесь мы отметим лишь, что Дугин, кажется, предугадал появление потребности в правой, но не националистической и не расистской идеологии еще в начале 1990-х.

¹⁷ Западные «новые правые», у которых Дугин позаимствовал эту модель социального устройства, называют ее «этноплюрализмом» – в противовес «мультикультурализму» левых.

¹⁸ Исключение здесь составляют Штепа и Корнев с их проектом «Китежа», который, однако, никогда не был достаточно четко очерчен, чтобы превратиться из эстетического объекта в политический.

чайно далеко отстоит в идеологическом плане от антикапиталистических «новых левых». Как я постараюсь показать дальше, связь, которая тут существует, заключается в попытках НП использовать организационные модели успеха, созданные их предшественниками, а не в буквальной реакции на идеологическое содержание их призывов.

Помимо этих критических замечаний, можно привести еще одно. Обе перечисленные выше интерпретации предполагают, что интеллектуальное движение НП неразрывно связано с определенным набором политических установок – антидемократических, антиглобалистских и, в значительной степени, антирыночных. Между тем, как я сейчас постараюсь показать, совокупность политических установок и совокупность дискурсивных конструкций, используемых НП для того, чтобы эти установки риторически представить, вовсе не представляют монолитного целого. НП идеология абстрактна и допускает самые разные практические интерпретации. Она сродни языку, на котором можно сказать что угодно: при тщательном изучении, довольно трудно найти политическую позицию, которая не озвучивалась бы на этом языке.

Так, западные НП (прежде всего, де Бенуа) в течение последних десятилетий делали основной упор на необходимости сохранения чистоты европейской цивилизации перед лицом угрожающей ей азиатской опасности, в то время как Дугин, напротив, в последние годы всячески продвигал идею скорейшей культурной интеграции евразийского пространства. По отношению к внутренней политике, Дугин до 1998 года безоговорочно осуждал неолиберальный авторитаризм Кремля, а после 2000 года также безоговорочно его приветствовал. Напротив, его оппоненты вроде Штепы выступали – используя те же самые интеллектуальные конструкции – против централизации и, в целом, против путинской политики «укрепления государства». В связи с этим, процесс «глокализации», в ходе которого размывание границ национальных государств сопровождается растущей политической и культурной автономией регионов, встретил их полнейшее одобрение как практическое исполнение программы «правого мультикультурализма». По всем возможным актуальным политическим вопросам Штепа занимал позицию, прямо противоположную позиции Дугина и его группы – взять хотя бы то, что он горячо поддержал «оранжевые революции» на постсоветском пространстве. И Дугин, и он призывают к укреплению Нации, но в текстах Штепы этот призыв расшифровывается как требование предоставить полную свободу самовыражения и неограниченную финансовую поддержку людям искусства в регионах. При этом, и Дугин, и Штепа продолжают считать себя (и даже, с некоторыми оговорками, друг друга) «новыми правыми».

Безусловно, Штепа, с его преимущественно автономистской политической программой и генонистской риторикой – крайний случай для российской сцены. Тем не менее, его пример показателен. Политический словарь НП допускает самые разные употребления. Для одних целей он подходит лучше, чем для других,

но может быть приспособлен, хотя и с некоторыми натяжками, ко всем без исключения¹⁹. В этом смысле, анализ причин распространения НП идеологии не может быть сведен к поиску истоков политических установок, которые часто на ее языке озвучиваются. Целью аналитической части этого исследования было использовать теоретический аппарат социологии интеллектуалов для того, чтобы изучить процесс легитимации НП языка. Теоретическими основаниями последующей интерпретации были работы Пьера Бурдьё²⁰ и Раймона Будона²¹, а эмпирическими моделями – исследования Виктора Каради, посвященные распространению социологии школы Дюркгейма²², и Мишель Ламонт, с тех же позиций объясняющие популярность Жака Дерриды²³.

В социологии знания существует две основные объяснительные модели, связывающие некий взгляд на мир с позицией того, кому этот взгляд принадлежит. Эти модели можно условно назвать «активной» и «реактивной». «Реактивная» модель предполагает, что знание индивида есть более-менее пассивное отражение его опыта, «активная» – что знание является, прежде всего, средством реорганизации тех социальных отношений, в которых этот индивид участвует. Каждая модель подразумевает определенную стратегию исследования. «Реактивная» – поощряет глубокий содержательный анализ интеллектуальных течений, позволяющий увидеть в них отражение проблем общества, в котором они возникли и, в особенности, той группы, которая их произвела. Тексты Карла Манхейма и Макса Вебера, на которого Манхейм опирался, до сих пор остаются непревзойденными образцами этого жанра²⁴.

Стратегия, опирающаяся на «активную» модель, в некотором смысле, значительно примитивнее. Она предлагает нам искать те социальные выигрыши, которые научная, религиозная или эстетическая доктрина могут принести своим творцам. Исследования, вдохновленные ею, как правило, достаточно формальны в обращении с интеллектуальным материалом²⁵ и стремятся свести его к набору

¹⁹ Я пытался идентифицировать хотя бы одну собственно политическую установку, которая присутствует у всех без исключения НП и не смог. Самым вероятным кандидатом на эту роль был диффузный антиамериканизм, однако, затем я встретил панегирик возникающей «Американской цивилизации» у Сергея Корнева и множество одобрительных ссылок на американскую либертарианскую традицию у Вербицкого.

²⁰ P. Bourdieu. The Field of Cultural Production, Or the Economic World Reversed // Poetics. 1983. Vol. 12. P. 311-356; idem. Delegation and Political Fetishism // Thesis Eleven. 1984. No. 10/11. P. 56-69.; idem. The Social Space and the Genesis of Groups // Social Science Information. 1985. Vol. 24. No 2. P. 195-220; idem. Homo Academicus. Cambridge, 1988.

²¹ R. Boudon. The Analysis of Ideology. Cambridge, 1989.

²² В. Каради. Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюркгейма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 5. С. 12-50.

²³ M. Lamont. How to Become a Dominant French Philosopher: The Case of Jacques Derrida // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93. No 3. P. 584-622.

²⁴ См., например: К. Манхейм. Консервативная мысль // он же. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 287-340.

²⁵ Примером этого может служить *Социология философий* Рэндалла Коллинза. См.: R. Collins. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge, Mass., 1998. Из более чем 1000-страничной книги Коллинза читатель может получить всю доступную инфор-

простых параметров, позволяющих объяснить, какого рода преимущества он позволяет получить. Недостаток внимания к содержанию кажется многим принципиальным дефектом «активной» модели. И, тем не менее, социология интеллектуалов развивалась в направлении от того стиля теоретизирования, который преобладает в работах Манхейма в сторону все более формальных и, пожалуй, скучноватых моделей, которыми оперировали Бурдье или Будон. В конечном счете, вероятно, главным фактором, обусловившим этот сдвиг, была неудовлетворенность теми спекулятивными и расплывчатыми рассуждениями, которыми неизменно заканчивались исследования, вдохновленные «реактивными» теориями.

Действительно, для того, чтобы продемонстрировать, как социальная позиция производителей знания отражается в их интеллектуальной позиции, необходимо вначале свести обе эти позиции к каким-то относительно простым формулам, а затем найти соответствия между ними. «Активная» модель опирается на ряд эксплицитных положений о природе общества, которые позволяют нам генерировать такие формулы. Эти положения сводятся к тому, что индивиды и социальные группы стремятся к доминированию, а знания могут служить средством этого доминирования, и поэтому производство того или иного кванта знания всегда может быть объяснено через конкретные задачи по перераспределению социальных шансов, которые в данном контексте властных отношений решали его производители. Этот взгляд может показаться нам крайне узким, но он, по крайней мере, ясен. За десятилетия своего существования «реактивные» теории не породили ничего, что заслуживало бы аналогичного комплимента.

Это исследование опирается на модель, которая выше была названа «активной», поэтому оно не свободно от всех недостатков соответствующей интеллектуальной традиции. Те, кто хотел бы найти в нем объяснение того, как в российской НП отражается состояние и общее мироощущение российского общества, безусловно, будут разочарованы. Вопрос, на который эта статья пытается ответить, значительно проще: какие социальные шансы интеллектуальное движение НП могло предложить своим последователям?

Рэндалл Коллинз определил интеллектуалов как людей, занимающихся абстрактными вещами²⁶. Интеллектуалы вырабатывают определения реальности, сформулированные в общих терминах, которые могут быть применены в разных ситуациях. Две силы участвуют в производстве этих определений – потребность в ориентации и стремление к доминированию, основанному на контроле за мыш-

мацию об интеллектуальных контактах практических всех знаменитых философов – и не узнать абсолютно ничего о том, в чем, собственно, состояли их учения. Примером той же тенденции в социологии искусства могут служить книги Говарда Беккера, из которых можно узнать все о жизни американских джазистов середины века, кроме одного: какую, собственно, музыку они играли. См.: Н. Becker. *Art Worlds*. Berkeley and Los Angeles, 1982.

²⁶ R. Collins. *The Sociology of Philosophies*. См., также: E. Shils. *The Intellectuals and the Powers*. Chicago, 1972.

лением других людей. Две эти силы неотделимы друг от друга²⁷, и создают исходную двойственность, присутствующую в каждой ситуации выбора между возможными схемами интерпретации. Ситуация, в которой находятся интеллектуалы, в этом плане особенно сложна. С одной стороны, они, как и все остальные, стремятся приобрести ясное виденье реальности. С другой стороны, они, опять же, как и все остальные, стремятся к такому определению ситуации, которая максимально увеличит социальные шансы их собственной группы (отсюда, например, неизменная популярность в их среде теорий, утверждающих превосходство культурной элиты). Наконец, с еще одной, третьей, стороны, они – уже не как социальная группа в целом, а как представители более мелких фракций внутри этой группы, или даже как отдельные индивиды, заинтересованы в росте собственного статуса как производителей или обладателей ценных культурных ресурсов. Персональный статус интеллектуалов определяется тем, насколько широко распространились теории, которые они выработали, и эта потребность в увеличении аудитории может уводить их сколь угодно далеко от того партикуляризма, который предполагают предшествующие рассуждения. Далее мы рассмотрим последовательно роль всех этих трех факторов в успехе «новой правой» идеологии в России.

Потребность в ориентации

Большинство людей, соприкоснувшихся с НП, согласятся с тем, что ее успех не может объясняться ее способностью удовлетворять потребность в создании точного и недвусмысленного виденья реальности. НП теория практически не применима к тем предметам, которые обычно в первую очередь становятся объектом интерпретации для политической идеологии – властным отношениям или экономическому распределению. Она вся построена на противопоставлении современного мира идеальному миру прошлого, но первому уделяется в ней сравнительно мало внимания по сравнению со вторым, а социальная реальность «Золотого века» настолько далека от нас, что вступить с ней в прямой чувственный контакт у нас нет никакой возможности. Единственная доступная наблюдению реальность, на которую НП тексты указывают – это субъективная реальность внутреннего мира их читателей.

В этом пункте, однако, НП идеология обладает очевидным преимуществом перед большинством конкурирующих с ней доктрин. Центральную политическую проблему современного мира она видит в ощущении психологической отчужден-

²⁷ Хотя социология знания в последние десятилетия неизменно делала акцент на тех возможностях господства, которые скрываются в той или иной системе знания, очевидно, что будь желание властвовать единственной причиной распространения взглядов, никто не мог бы убедить никого вообще и гегемония, то есть господство, основанное на владении культурными ресурсами, была бы совершенно невозможной.

ности от вневременного и сверхличностного – в переживании, которое, видимо, является общим знаменателем мироощущения людей в современных обществах. НП представляет современные идеологии особого типа, видящие в личном несчастье принципиальную политическую добродетель²⁸. Она осуществляет, выражаясь словами Кеннета Берка, *conversion upward*, т.е. позволяет представить личностные проблемы в столь грандиозной и возвышенной форме, что они поднимают страдающего в собственных глазах²⁹. Те, кто в иной интерпретации предстают как слабовольные неудачники, в логике НП становятся борцами с современным миром.

Сама по себе, однако, эта способность НП вряд ли способна объяснить ее успех. Несколько десятков других социальных теорий, начиная от социологии Дюркгейма до дзэн-буддизма в интерпретации Судзуки, от Карла Густава Юнга до фрейдомарксизма, предлагали решения той же проблемы человека и современного мира. Однако отмеченное свойство идеологии НП способно пролить свет на тот контекст, в котором классика НП нашла самое широкое применение. Действительно, несмотря на внушительную статистику упоминаний о Геноне и других традиционалистах, которая цитировалась выше, при ближайшем рассмотрении картина победоносного культурного движения несколько меркнет. Так, просмотрев несколько сотен недавних ссылок в интернете на ключевые слова «Рене Генон» и «Юлиус Эвола», я обнаружил, что больше половины из них приходится на страницы, не имеющие никакого отношения не только к политике, но и к философии. Генон и Эвола в России превратились, прежде всего, в оккультных авторитетов, их имена соседствуют с именами Даниила Андреева, Елены Блавацкой, Алистера Кроули, Карлоса Кастанеды и Николая и Елена Рерихов – длинного ряда эзотериков, писавших о мистических традициях прошлого и исчезнувшей духовности. В Геноне эта публика находит основания для персонального синкретизма («все Традиции растут из одного корня»), а у Эволы предпочитает трактаты о Тантре, содержащие практические инструкции по открытию чакр. Возможные политические коннотации их взглядов воспринимаются как курьез или даже как отягчающие обстоятельства. Так, один из авторов интернет-форума, инструктируя молодых читателей по поводу практики тантризма, представляет Эволу следующим образом: «Наиболее целесообразно, на мой взгляд, начать изучение с трудов Юлиуса Эволы: <http://arctogaia.com/public/evola/> Только одна просьба: будьте осторожны, фильтруйте информацию о практике от его идеологии фашизма. Не берусь судить, есть ли ему оправдание как человеку

²⁸ В этом смысле, характерно, что одним из основных объектов критики Генона был психоанализ, теория, которая более других осуществила, так сказать, приватизацию несчастья. Интересные параллели с этой интерпретацией НП можно найти в исследованиях антиамериканизма Холландером. См.: P. Hollander. *Political Pilgrims*. Oxford, 1981.

²⁹ K. Burke. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. Berkeley, 1984. Этой способности абсолютно лишена либеральная идеология, принципиально воздерживающаяся, по определению Рональда Дворкина, от суждений о том, в чем состоит «хорошая жизнь». См. например.: R. Dworkin. *Matter of Principle*. Cambridge, Mass, 1985. P. 181-204.

(Эвола был одним из основоположников этой мракобесной идеологии, равно как и Кроули, также во многом повлиявший на формирование мистерий третьего Рейха, войдя в состав ОТО), но его труды о тантризме заслуживают восхищения.»

Такая же позиция прослеживается во многих интервью, которые брались автором. Например, отвечая на вопрос о своем отношении к Дугину, респондент, идентифицировавший себя как «традиционалист», говорит: «Дугин для меня переводчик, переводчик прежде всего. Евразийство, все эти вещи у него ... это меня как-то совсем не интересует. Все это политика, он зря, по-моему, в это полез... В Кали-Югу политическая борьба, все эти вещи, они бессмысленны. Любая попытка остановить цикл оборачивается его продолжением, затягиванием.»

Выражение классовых претензий

Второе из трех перечисленных выше направлений анализа предлагает искать возможное объяснение распространения НП в риторическом оформлении претензий интеллектуалов к современному обществу, которое содержит их идеология. Действительно, тесты НП могут рассматриваться как способ выразить депривации социальной группы, переживающей трудные времена. Обвинения Эволы современному миру, сформулированные в терминах индуистской варновой теории³⁰ (власть в «Железном веке» перешла к торговцам-шудрам, а возвращение Золотого века подразумевает ее передачу назад мудрецам-брахманам), безусловно, находят отклик в душах тех, кто мысленно причисляет себя именно к брахманам. Сходным образом, характерные для риторики НП протесты против глобализации и требования культурного протекционизма от государства позволяют предположить, что эта риторика определенных групп внутри класса интеллектуалов, теряющих статус вследствие интеллектуальной глобализации³¹.

Однако, изучение биографий участников НП сети заставляет усомниться в том, что хотя бы одно из подобных объяснений можно считать удовлетворительным. В рядах НП оказалось мало жертв интернациональной культурной конкуренции. НП интеллектуалы, почти без исключений, – сравнительно молодые люди, получившие гуманитарное образование (чаще всего – философское, журналистское или филологическое) в наиболее престижных ВУЗах и занимающиеся

³⁰ Варны (иногда ошибочно отождествляемые с кастами) – четыре основные статусные группы в традиционном индийском обществе. Список варн составляют, в порядке убывания престижа, брахманы (священники), кшатрии (воины), вайшьи (земледельцы) и шудры (слуги и торговцы). За пределами системы варн находились «неприкасаемые». Жесткость и постоянство, с которыми в индийском обществе соблюдались статусные разделения, и доминирующая роль, приписываемая людям знания, импонировали европейским правым интеллектуалам с момента появления первых этнографических описаний индийского общества. Классическое исследование статусной и варной систем - труды Луи Дюмона. См.: Дюмон Л. Homo Hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб., 2001.

журналистикой, преподаванием или литературной критикой³². Фактически, они относятся к наименее затронутой экономическими реформами группе интеллектуалов. И, наоборот, нищие преподаватели ВУЗов или научные сотрудники старшего возраста часто поддерживают социал-националистические группы, типа КПРФ или «Родины», но крайне редко увлекаются эзотерической НП философией. Если депривация слоя в целом и может служить объяснением антилиберальных установок, причины, побудившие наименее затронутую этой депривацией часть интеллектуального сообщества избрать именно такой политический язык для того, чтобы выразить свои обиды, нуждаются в дополнительных объяснениях.

То же самое можно сказать о попытке рассматривать НП как реакцию на глобализацию. Хотя в России эта реакция присутствует, проявляясь, например, в изобретении множества маленьких национальных традиций (примером чего может служить быстрое становление индустрии текстов по «истории русской социологии»), НП не принимает в этом участия. Импортированная из-за рубежа доктрина, которой присуща нарочитая интернациональность и утрированное пренебрежение к традиционным институтам науки³³, НП вряд ли может вызвать позитивный отклик среди «научных националистов». Для них НП идеология – скорее часть проблемы, а не ее решение. Сами НП отвергают американскую мас-

³¹ E. Gellner. Nations and Nationalism. Oxford, 1983.

³² Вот характерные данные об авторах журнала *Волшебная гора*. Всего на сайте перечислен 31 человек, из которых 6 женщин и 25 мужчин. Средний возраст (для указавших его) составляет 45 лет, причем при исключении из этого списка Льва Аннинского, Юрия Арабова и Вадима Кожина – знаменитостей, не имеющих к НП прямого отношения, – он понижается до 39. Ученые степени упомянули 4 человека (2 - философия, 1 - филология, 1 - юриспруденция). Из 13 указавших место получения образования, 2 закончили журналистский факультет МГУ, 2 – философский, 1 – филологический, 2 - Литературный институт им. Горького, 2 – ВГИК, 1 – историко-архивный факультет РГГУ, 1 – философский факультет СПбГУ, 1 – СПб Институт богословия и философии, 1 – богословский факультет университета Аль-Хазар в Каире. Из 6 упомянувших учебу в аспирантуре, 2 учились/учатся на философском факультете МГУ, 1 – на философском же в РГГУ, 1 – в Институте государства и права РАН, 1 – в Литературном институте, 1 – в Институте этнографии и антропологии РАН. 4 авторы – члены Союза писателей. По месту жительства авторы распределились следующим образом: 2 человека живут в СПб, 1 – в Германии, 1 – в Латвии, остальные (по умолчанию) в Москве.

³³ Типичный ответ одного из НП (Вадима Штепы) на вопрос о том, почему он не добился никаких символов академического признания: «в Москве и Питере степенями ведают либо престарелые мастодонты с "научным коммунизмом" на уровне бессознательного, либо откровенные торгаши. Все эти "звания и должности" в гуманитарных науках уже предельно девальвированы, примерно как разные там "союзы писателей" - зачем быть их "членом", когда можно быть просто писателем? А диссертацию писать по-прежнему требуют по какой-то узкой теме и в сухом, безжизненном стиле, и все для того, чтобы ее пролистано 5-10 каких-то буквоедов. Кажется, что сейчас даже такие люди, как Ницше и Розанов, мои самые любимые философы, которые писали на стыке философии и литературы, просто не "защитились" бы – по причине "ненаучности", "субъективизма", "экстремизма" и т.п. В нынешней российской "академической философии" царит вторичность, там принято лишь глубокомысленно пережевывать чье-то "наследие", собственное мышление не очень приветствуется. Так что я лучше свои идеи выражу популярно, вольным стилем – для тех, кому они действительно интересны, а не ради какой-то бумажки...».

совую культуру не потому, что она – американская, а потому, что она – массовая, и скорее их антиамериканизм может быть объяснен их культурным элитизмом, чем наоборот. В общем и целом, гипотеза культурного протекционизма лучше описывает Игоря Фроянова³⁴ и его сторонников, чем Дугина и его единомышленников³⁵. Для того, чтобы понять социальные истоки протеста последних, нам придется рассмотреть более специфичные констелляции интересов, связанные с легитимацией символического языка НП.

Поиск легитимации и символическая борьба.

Мишель Ламонт определяет «легитимацию» концепции как «процесс, в ходе которого теория становится частью поля – чем-то таким, что не может быть проигнорировано никем из тех, кто определяет себя, и определяем другими, как полноправный участник конструирования когнитивного пространства»³⁶. Легитимация – это процесс, в ходе которого один из подходов к описанию реальности получает статус, не позволяющий никому из участников политической борьбы закрывать глаза на то, как выглядят их действия и декларации в свете этого подхода. Каждая политическая партия в современном мире должна уметь говорить на вы-

³⁴ Игорь Фроянов, известный историк, специалист по Киевской Руси, одновременно являлся заметной фигурой в лагере «национал-патриотической» оппозиции либеральным реформам. С 1982 по 2001 годы, Фроянов был деканом исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, и, как утверждали его критики, использовал свое положение для того, чтобы уволить по политическим мотивам часть преподавателей. Им также прилагались также усилия, чтобы ограничить изучение студентами западных трудов по российской истории и воспрепятствовать их включению в интернациональной научные сети. Кризис, повлекший за собой снятие Фроянова с поста декана в апреле 2001, широко освещался как либеральной, так и националистической прессой.

³⁵ Характерно крайне презрительное отношение НП к национализму такого рода. Вот в высшей степени типичный отрывок из электронного дневника Аркадия Малера: «Вообще, в нашей современной отечественной философии есть две, внешне полярные партии, две академических мафии, на борьбу с которыми я готов положить свою жизнь. Первая мафия – это наши "западники" от философии, то есть выразители сущностных евроатлантических позиций – неокантианцы, неопозитивисты, атеистические неофеноменологи. ... О, если бы вы знали, какие делают глаза эти специалисты по западной философии, которые почему-то уверены, что все студенты пойдут именно на их кафедры, а эти студенты вдруг отвечают, что собираются заниматься восточной, а то и вообще – русской – философией! Так вот, наши "западники" (неокантианцы, неопозитивисты, неофеноменологи), конечно, формально – главные враги. Но есть еще более серьезный враг, потому что это наш внутренний враг, который регулярно наносит нам удар в спину, когда вы вот-вот повергли какого-нибудь позитивиста. Этот враг – мафия «русской философии», а точнее мафия сторонников философии как принципиально бессистемного полулитературного словоблудия, которые при этом считают, что именно русская философия такой должна быть. Как правило, это какие-то кривые уроды, вечные фанаты Розанова и Бердяева, которые извращают всякий смысл любой содержательной дискуссии и готовы бесконечно ругать какого-нибудь Гегеля только потому, что сами не способны его читать по причине своей врожденной дислексии.»

³⁶ Lamont. *How to Become a Dominant French Philosopher*. P. 586.

соко легитимном языке макроэкономики, а на нелегитимном языке астрологии им, наоборот, говорить не приходится.

Поскольку любая концепция становится частью сразу нескольких интеллектуальных пространств, можно классифицировать типы легитимации по тому, в глазах какой аудитории эта легитимация производится. Виктор Каради выделяет три типа легитимации, и эта схема использовалась и в данном исследовании³⁷. Первым типом является *институциональная легитимация* сертифицирующих агентств, таких, как академии и университеты, в функции которых входит оценка интеллектуальных инноваций. Вторым типом легитимации является *дисциплинарная легитимация* теорий, происходящая в рамках той или иной научной специальности. Наконец, третьим типом является *публичная легитимация* широкой аудиторией «читающей публики». Каждый из типов легитимации приносит тем, кто его добился, свои административные и экономические бонусы – признание университетом гарантирует преподавательские ставки и возможность сделать профессорскую карьеру, дисциплинарное признание – шансы получить гранты, публичное признание – высокие тиражи и приглашения на телевидение.

Несмотря на то, что между типами легитимации существует очевидная связь, ее сила не должна быть преувеличена. Хотя добившаяся широкого признания в рамках своей дисциплины теория, как правило, затем достигает и институционального признания, последнее может запаздывать на десятилетия, и, наоборот, курсы могут преподаваться и диссертации могут защищаться по проблемам, которые давно потеряли какой бы то ни было интерес для специалистов в соответствующей области³⁸. Еще более проблематичной является связь между интеллектуальной и другими видами легитимации. Как правило, свидетельства институционального (научные степени) или дисциплинарного (Нобелевская премия) признания существенно повышают вес их обладателя в глазах публики. Однако, для того, чтобы оценить этот вес, публике приходится опираться на собственные представления о том, как выглядят свидетельства респектабельности, в связи с чем имеют место все разновидности описываемых Будоном «коммуникативных эффектов» – сбоев, в результате которых оценка какого-то явления в публичной сфере радикально отличается от ее оценки кругом уполномоченных специалистов³⁹. Количество таких расхождений возрастает, когда исходящая от специалистов и уполномоченных агентств информация становится все более противоречивой. В таких условиях эти формы признания переживают кризис легитимности, в

³⁷ Каради. Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюркгейма. С. 12-20.

³⁸ Примером первого может служить постструктурализм, который, как пишет Бурдьё (Bourdieu. *Delegation and Political Fetishism*), оставался маргинальным явлением в лидирующих французских университетах даже тогда, когда его создатели уже входили в число самых цитируемых философов и литературоведов в мире (Фуко не стал полным профессором до самых последних лет жизни). И, наоборот, жизнь советского марксизма-ленинизма на отечественных факультетах социальных наук не закончилась в тот момент, когда он, фактически, полностью выпал из числа признанных в социологии, экономике и других дисциплинах подходов.

³⁹ Boudon. *The Analysis of Ideology*.

ходе которого публика все меньше обращает внимание на специалистов, и все больше – на собственные представления о том, как выглядит истинная теория. История движений типа марксизма, вначале завоевавшего доверие внимательных непрофессионалов, а уже потом нашедшего свой путь в академические институты и дисциплины, начинает рассматриваться все более широкими слоями населения как типичная и «нормальная». Такое положение вещей открывает возможности для новых стратегий легитимации своей интеллектуальной продукции в обход обычных дисциплинарных и институциональных механизмов. Именно эти возможности реализовала НП в России.

Выбор одного из политических языков определяется, помимо перечисленных выше, соображениями преимущественного доступа. Поскольку восприятие, и, тем более, развитие всякой концепции требует исходных культурных ресурсов, группы интеллектуалов прочно связаны с теми теориями, которыми они уже умеют пользоваться. Повышение легитимности какой-то макроэкономической теории выгоднее экономистам, чем филологам, и выгоднее всего тем экономистам, подготовка которых дает им больше всего шансов быстро разобраться в ней и внести в ее развитие свой вклад. С этой точки зрения, группы интеллектуалов, владеющих различными культурными ресурсами, всегда до некоторой степени антагонистичны по отношению друг к другу.

Сказанное лучше всего поясняет особенности рекрутирования в НП движение. Действительно, как уже говорилось выше, среди членов движения преобладают гуманитарии с филологическим, журналистским или философским образованием. Среди его интеллектуальных лидеров нет не только ни одного обладателя технического или естественнонаучного образования, но и ни одного человека с профессиональной подготовкой в политической науке, социологии, антропологии, психологии или экономике. Практически все члены НП сети, о которых удалось собрать достаточную информацию, совмещают карьеру НП интеллектуала с занятиями поэзией, литературной критикой и организацией культурной жизни⁴⁰.

Можно заметить очевидные связи между теми видами компетентностей, которыми обладают специалисты этого профиля, и концепцией, выводящей нормативную модель общества не из социологии или этнографии, а из интроспекции и эстетики, и признающей людей искусства основным социальным авторитетом. Мы можем предположить, таким образом, что основным объектом конкуренции для НП являются не столько представители совершенно других классов, сколько социальные ученые. Ограничить важность интеллектуальных ресурсов, которыми обладают эти последние, в выработке и использовании легитимного политического языка НП философия стремится прежде всего. Сам по себе этот фактор

⁴⁰ Практически все НП интеллектуалы пишут рецензии на новые книги, альбомы или фильмы (наиболее активны в этом Дугин, Мамыко, Штепа), переводят художественную литературу (Ванюшкина, Головин, Стефанов), сочиняют стихи (Дугин, Вахитов, Цветков), исполняют песни собственного сочинения (Аверьянов), организуют выставки и концерты (Багдасаров, Штепа) и т.д.

не предопределяет выбор в пользу НП философии (вместо нее нужную социально-культурную функцию мог быт исполнить, в частности, ситуационизм Ги Дебора⁴¹, который является важным, но не обязательным, ингредиентом отечественного традиционализма). Однако он, безусловно, очень существенен.

В общем и целом, оценивая развитие НП в России, надо констатировать, что участники движения не достигли практически никакого успеха в институциональной и дисциплинарной легитимации своей доктрины. Традиционалистская философия не стала частью учебных программ в ВУЗах, ее апологеты не добились утверждения на ключевых постах в штате университетов или академических институтов. Хотя, в связи с постоянным недостатком кадров на низкооплачиваемых позициях в научных учреждениях, некоторым НП удалось укрепиться на них (Аркадий Малер в Институте философии РАН, Алексей Болдырев на философском факультете МГУ), их дальнейшая карьера оказалась блокирована. Только Дугину пока удалось защитить кандидатскую, а затем докторскую диссертацию на темы, более-менее связанные с его доктриной. Но сделать это он смог в ведомственных провинциальных ВУЗах⁴², и, как утверждают недоброжелатели, на Ученый совет осуществлялось административное давление.

Так же незначительно признание НП внутри существующих научных дисциплин. Так, в философии, с которой они в первую очередь идентифицировали себя, их позиции по-прежнему остаются совершенно маргинальными. Статья Юрия Стефанова, посвященная Рене Генону, которая была опубликована в *Вопросах философии* в 1991 году⁴³, до сих пор остается едва ли не единственной публикацией по теме в основном научном журнале⁴⁴. Как отражение этого факта, в текстах НП академическая философия часто критикуется, причем критике подвергается как ее сегмент, ориентированный на интеграцию в современную западную научную дискуссию, так и академические изоляционисты, стремящиеся замкнуться на возвращении к философским истокам. Несколько большего успеха Дугину удалось достигнуть как геополитику, и его книги на эту тему читаются на факультетах политологии и международных отношений, однако, по понятным причинам специалисты в этой области склонны отвергать мистический традиционализм, сосредоточившись исключительно на евразийстве⁴⁵.

⁴¹ Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.

⁴² Так, его докторская по политологии была защищена в Ростовском юридическом университете МВД РФ.

⁴³ Стефанов Ю. Рене Генон и философия традиционализма // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 45-62.

⁴⁴ С этими препятствиями не сталкиваются те, кто идентифицирует себя скорее с русской империалистической и консервативной философией XIX века, чем с традиционализмом. Так, Виталий Аверьянов опубликовал в *Истории философии* статью по философии Ивана Ильина и защитил диссертацию на эту тему. См.: В. Аверьянов. Русская историческая традиция в неоконсерватизме И.А. Ильина // История философии. 2002. № 9. С. 87-98.

⁴⁵ Насколько можно судить, популярность Дугина в этом качестве стала спадать после того, как начался массовый перевод геополитической литературы, и его монополия на широкую трансляцию геополитических доктрин была разрушена.

Факторы успеха легитимационной стратегии НП

Таким образом, НП интеллектуалы преуспели лишь в одной, публичной форме легитимации своего политического языка. Здесь, однако, их успехи были весьма существенны. В целом, несмотря на примеры типа марксизма, такая конфигурация признания – значительная у широкой интеллектуальной публики и низкая в институтах символического производства и внутри научных дисциплин – достаточно необычна для интеллектуальных движений XX века⁴⁶. Далее мы рассмотрим два основных фактора, которые сыграли роль в том, что такое стало возможным: (1) кризис легитимности научных институтов и (2) специфическую интеллектуальную культуру, сложившуюся в СССР.

Кризис легитимности научных институтов

Первым из факторов, сделавших возможным распространение НП, был разрыв связи между разными формами легитимации, описанными выше. Академическая наука в достаточной степени потеряла статус основного агентства, сертифицирующего достоинства или недостатки новой теории. Следствием этого был взрывной рост интеллектуальных движений, отвергаемых соответствующими научными дисциплинами и институтами. «Новая хронология» математика Анатолия Фоменко⁴⁷, утверждающая, в частности, что античность была изобретением ренессансных фальсификаторов, является самым известным примером, но ни в каком случае не единственным.

Хотя подобный кризис, несомненно, имеет множество самых разных причин, одна из них, особенно значимая в российском контексте, состоит в дезинтеграции самих сертифицирующих институтов, вызванной падением «железного занавеса» и вступлением российских университетов в систему глобальной научной конкуренции. Как отмечалось выше, эти события вызвали сегментацию внутри самих профессиональных сообществ, распадавшихся на группы, активно адаптирующиеся к новой ситуации, и группы (чаще всего, состоящие из старших уче-

⁴⁶ Хотя и не беспрецедентна. См. исследование Муллинза о развитии радикально-критической социологии в Америке: N. Mullins. *Theories and Theory Groups in Contemporary American Sociology*. N.Y., 1977.

⁴⁷ Фоменко и его соавторы (ни один из которых не был профессиональным историком) опубликовали за последние 15 лет более 20 книг, пользующихся, судя по внушительным тиражам и многочисленным переизданиям, значительным рыночным успехом. Первой из них была: А.Т. Фоменко. *Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии*. М., 1990.

ных), реагируя на нее выдвижением всевозможных версий научного национализма, слепленного из остатков марксистско-ленинской и русской дореволюционной философии. И философия, и история, и все социально-научные дисциплины переживают нечто подобное⁴⁸.

Кризис легитимности научных дисциплин стал прямым следствием этой дезинтеграции. Два – бессмысленное число применительно к системам интеллектуального авторитета. Таких систем может быть либо одна, либо бесконечно много, с равными правами на признание. Тогда присоединение к лагерю бросивших вызов истеблишменту во всех его формах не столь опасно, как при консолидированном истеблишменте, цепко держащемся за свою монополию на определение легитимной аргументации. Более того, неизбежная амбивалентность по отношению к группам, утверждающим свое доминирование на основании монополизации доступа к культурным ресурсам, находит в подобных ситуациях выражение в откровенном злорадстве, которое само по себе может вызвать симпатии к неконформистской теории⁴⁹.

НП и советская интеллектуальная культура

Кризис легитимности, таким образом, лишает людей важных ориентиров, помогающих определить, какого рода взгляды, теории и аргументы им следует рассматривать как вполне уважаемые и авторитетные. Никто больше не обладает в их глазах достаточным авторитетом, необходимым для выбора того политического языка, к которому следует прислушаться. В этой ситуации на первый план выходят другие стратегии определения интеллектуальной ценности, опирающиеся на распространенные в данной интеллектуальной культуре представления о том, как выглядит обоснованная научная или идеологическая концепция⁵⁰.

⁴⁸ Ф.А. Погорелов, М.М. Соколов. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: поле петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. С. 11-128. Интересно отметить, что аналогичная ситуация сложилась еще в одном институте символического производства, инициативу у которого НП также пытаются перехватить – Православной церкви. Противостояние РПЦ и РПЦЗ, а также множества старообрядческих групп создают возможности для существования многочисленных «независимых православных интеллектуалов» (Аркадий Малер, Виталий Аверьянов).

⁴⁸ Характерно, что и во Франции и Германии развитие НП сетей следовало за Молодежной революцией и кризисом университетов 1960-х-70-х годов, которые привели, в частности, к институционализации прежде маргинальной Критической теории и к расколу в академических системах авторитета, до некоторой степени аналогичному переживаемому сегодня Россией.

⁴⁹ E. Shils. Charisma, Order and Status // American Sociological Review. 1965. Vol. 30. No 2. P. 199-213.

⁵⁰ Теория коммуникативных эффектов Будона (Boudon. The Analysis of Ideology) представляет собой попытку понять, как индивиды оценивают поступающие к ним обычно неполные сведения о новых научных или философских теориях, не имея возможности оценить ни те эмпирические данные, которыми эти теории подкреплены, ни ход анализа. Вместо этого, публике приходится ориентироваться на то, насколько желательны для нее следствия этих теорий (если след-

Одним из главных достижений Дугина было то, что он представил российской читающей публике традиционализм как движение, соответствующее всем критериям революционной теории. Дугин подчеркивал французское происхождение НП (играя на традиционной престижности французской культурной продукции в России). Он дистанцировался от всех негативных коннотаций, связанных с образом националиста-черносотенца (даже в эпоху сотрудничества с «Памятью» Дугин избегал всего, что могло вызвать ассоциацию с образом параноидального антисемита). Его тексты соответствуют всем внешним стандартам научной респектабельности (многочисленные ссылки, обзоры и изложения взглядов оппонентов, отстраненный тон) и постоянно подчеркивают эрудицию автора (и, предположительно, читателя) так, что вполне могут функционировать в качестве элитарного интеллектуального товара, потребление которого маркирует потребителя как принадлежащего к «образованным классам». Наконец, Дугин не упускал случая сослаться на полученное им интернациональное признание.

Что не менее существенно, НП, усилиями Дугина и его единомышленников, приобрела облик, позволявший увидеть в ней революционную теорию, способную сказать слово во всех областях культурной жизни, т.е. аналогичную марксизму, (пост)структурализму, феминизму или психоанализу. Отторжение традиционализма консервативной академией в этом контексте только повысило его убедительность. Во всех своих текстах Дугин и другие НП старательно приучали читателя к мысли о том, что традиционализм может быть поставлен в ряд наиболее важных течений Западной мысли, утверждая его принадлежность к явлениям того же порядка, что и, например, постмодернизм. При этом, его позднейшее происхождение и (предположительно) вытекающее отсюда превосходство, создали среди части читателей этих текстов уверенность, что традиционализм представляет собой новейший вариант постпостмодернизма.

То, что традиционализм смог с такой легкостью утвердиться в этом качестве, было обусловлено еще одной особенностью российской интеллектуальной культуры – доминирующим в ней представлением о системах знания как о герметически замкнутых и совершенно чуждых друг другу «парадигмах», которые не могут быть поняты и оценены извне⁵¹. В этом смысле, от каждого нового культурного движения ожидается, что оно окажется именно такой замкнутой парадигмой, и традиционализм Дугина, настаивавший на своем статусе «парадигмы», стремился полностью этому ожиданию соответствовать⁵². Кроме того, его

ствия теории нам не нравятся, мы оцениваем ее более придирчиво), соответствие «теории» стереотипу научной работы (скажем, изобилие ссылок, цифр и диаграмм в книге, претендующей на научность) и авторитет тех, кто выступает в пользу данных теорий. Нормы, которые позволяют осуществлять подобную ориентацию, я и называю «интеллектуальной культурой».

⁵¹ В свете этого характерна популярность в России теории парадигм Куна или теория цивилизаций Хантингтона.

⁵² Здесь вновь можно усмотреть аналогию с развитием НП в Западной Европе: европейские традиционалисты шли по стопам «новых левых», создавших организационную модель завоева-

традиционализм противостоял моральным нормам, традиционно легитимируемым другими политическими языками. Политико-этическая неконвенциональность НП, их прославление насилия и тоталитаризма, сигнализировали их подлинную, глубокую интеллектуальную оригинальность.

Хорошо заметно, что НП интеллектуалы особенно тщательно работали над обеспечением своих молодых сторонников набором готовых рецептов, позволявших тем позиционировать себя по отношению ко всем прочим интеллектуальным традициям. Ламонт цитирует одного из своих информантов, заметившего, что популярность Дерриды в Америке в значительной степени объяснялась тем, что любой ознакомившийся с его текстами студент-литературовед младших курсов чувствовал себя в силах критиковать «логоцентризм» Западной философии, не прочитав при этом ни одного классического философского текста. Дугин приложил много усилий, чтобы обеспечить своих сторонников такими же ресурсами и дать им возможность с минимальными затратами в виде чтения его книг сойти за модных интеллектуалов. Характерно в этом смысле, что многие книги, написанные им за прошлые годы (*Основы геополитики*, *Эволюция парадигмальных оснований науки*), выполнены в жанре учебников⁵³.

Описанная универсальность НП идеологии имела еще одно достоинство в российском контексте. Осознанно или нет, но в своем традиционализме Дугин в значительной степени воспроизвел модель советского марксизма с его пониманием философии как науки о наиболее общих законах бытия и унаследованным от XIX века стремлением создать глобальную систему знания, объединяющую метафизику с этикой и эстетику с политической теорией. Большинство философов XX века после заката философии жизни были гораздо скромнее в своих амбициях, утверждая, что занимаются исследованием форм мысли (это утверждение в равной степени справедливо по отношению к таким разным во всех остальных отношениях течениям, как аналитическая философия, феноменология, структурализм и постструктурализм). Дугин, однако, не был склонен к такому самоограничению, и, хотя его универсализм мог отпугнуть профессиональных философов, он привлекал публику, привыкшую думать, что профессиональные философы занимаются чем-то подобным.

Есть еще один фактор, оставшийся современной культуре в наследство от советских времен, который также мог сыграть свою роль в росте популярности НП

ния статусных позиций в академическом мире школой, которая сохраняет интеллектуальную дистанцию от других существующих в Академии групп.

⁵³ Обратной стороной издания подобных книг было падение авторитета Дугина среди специалистов в каждой из затронутых им областей знания. Стремление предельно расширить свой кругозор неизбежно ведет к ограниченности представлений о каждой отдельно взятой области, так что с каждой новой книгой Дугин скорее терял потенциальных сторонников среди тех, кто мог оценить его познания в соответствующей науке. Я сам потерял остатки почтения к эрудиции Дугина после того, как прочитал автореферат его диссертации, посвященной политической модернизации и демонстрирующей полнейшее невежество в этой области. То, что было хорошей стратегией публичной легитимации НП, препятствовало ее дисциплинарной легитимации.

– антагонизм, испытываемый значительной частью российских интеллектуалов по отношению к идеологической гегемонии, спонсированной государственным аппаратом. После того, как марксизм-ленинизм перестал играть роль официального политического языка, и его сменил моральный язык прав человека и социально-теоретический язык теорий модернизации, те, кто унаследовал советский скептицизм по поводу доминирующего языка, переместились на позиции антилиберальных и антимодернистских теорий. НП была едва ли не идеальной «теорией» подобного рода.

Таким образом, НП имели все предпосылки для того, чтобы сойти за революционное интеллектуальное движение в глазах тех, кто вынужден был – как большинство новичков в поле символического производства в период кризиса – ориентироваться только на косвенные признаки новизны и оригинальности. Именно эта категория людей – сравнительно молодых и намеренных сделать карьеру интеллектуалов, но, при этом, страдающих от недостатка культурных ресурсов, необходимых, чтобы верно сориентироваться в современной ситуации, и присоединиться к действительно победоносному интернациональному движению – составляла большинство как среди авторов НП, так и среди читателей их изданий⁵⁴.

Выводы и прогноз

Мы видели, таким образом, что распространение НП есть результат стечения многих обстоятельств:

- (1) способности теории определять субъективные переживания своих сторонников в терминах, которые позволяли им поддерживать благоприятное виденье себя как борцов с современностью;
- (2) возможности ее использования в конкуренции с авторитетом социальных ученых в качестве производителей легитимного политического языка;
- (3) ее соответствие стереотипному представлению о перспективном культурном движении, ее потенциал как символа культурного статуса;
- (4) развития публичной сферы, которое снизило значение институциональной и дисциплинарной легитимации для успешной публичной легитимации, наконец;

⁵⁴ Характерно, что и в России, и в Европе возникновение НП следовало во времени за университетскими реформами, которые открыли доступ к высшему образованию многим группам, ранее практически лишенными допуска к нему. В Германии и Франции это были собственно образовательные реформы, ознаменовавшие собой начало эпохи массового высшего образования, в России – экономические реформы, повлекшие за собой временное падение престижа университетов, которые имели сходный эффект в том плане, что позволили поступить в ВУЗы людям, прежде не имевшим на это никаких шансов.

(5) появление когорты молодых людей, которые склонны были выбирать то, что казалось им самым легким путем к славе революционных интеллектуалов.

Каким может быть будущее НП в России? Несмотря на первоначальные успехи, которых достигло движение в публичной легитимации, похоже, что время работает против него. Во-первых, невозможность утвердиться на рынках академических институтов, университетов и традиционных дисциплин означает невозможность обеспечения сторонников рабочими местами и привлечения новых людей. Рынок массовой интеллектуальной продукции слишком беден в России, чтобы поддерживать интенсивное развитие школы. Дугину удалось финансово обеспечить самого себя и небольшую группу окружающих его людей, но дальнейшее расширение этого круга наталкивается на значительные препятствия.

Во-вторых, удачно складывающаяся административная карьера Дугина и демонстрация им и его сторонниками своей полной лояльности режиму подрывает образ НП как авангардной группы революционных интеллектуалов. Вхождение Дугина в состав идеологического обслуживающего персонала явно не вяжется с этим амплуа и поскольку именно Дугин является до сих пор «публичным лицом» традиционализма, – наносит очевидный ущерб движению. Эта сложность дополняется тем, что Дугину приходится – не всегда успешно – конкурировать с другими государственными идеологами, которые имеют явное преимущество перед ним, поскольку у них нет сомнительного контркультурного и радикального прошлого. Заметно, например, что Дугин постепенно теряет монополию на евразийскую риторику, которой другие начинают пользоваться без прямых ссылок на источник, при этом, не заимствуя другие составляющие НП учения.

В-третьих, само присутствие одной настолько влиятельной фигуры, как Дугин, практически отождествляющийся в общественном мнении с традиционализмом, и отсутствие ясных моделей интеллектуальной работы, которые позволили бы кому-то из его сторонников превзойти его, плохо сказываются на возможности привлечения потенциальных НП⁵⁵. В связи с этим я прогнозирую постепенный спад движения. Дугин останется заметной фигурой, но ему не удастся добиться существенного расширения своей аудитории или большего распространения своих взглядов по сравнению с тем, насколько они распространены теперь. Фактически, мы наблюдаем уже первые признаки спада. Следуя теории Бурдьё, мы можем констатировать потерю потенциала НП на основании его быстрого

⁵⁵ По большому счету, НП предоставляет совсем не так много моделей интеллектуальной работы для своих сторонников. Перевод текстов Генона, представлявший собой основной вид деятельности на первом этапе, практически завершен. Ведущая модель интеллектуальной инновации среди НП в настоящее время – добавить к традиционалистскому синтезу критику еще одного элемента либерального канона. Однако, Дугин с его тягой к энциклопедичности и здесь уже освоил большинство привлекательных тем. Еще одно направление поиска – сочетание приверженности к НП философии с разными вариантами политических ориентаций – также исчерпано в диапазоне от проправительственного Дугина до либерально-оппозиционного Штепы и нелиберально-оппозиционных авторов *Волшебной горы*. Сложно сказать, есть ли хоть что-то, что может сделать пришедший в НП новичок, чтобы выдвинуться в первые ряды традиционалистского движения.

кадрового регресса. Победоносное интеллектуальное движение отличается тем, что на ранних этапах своего развития привлекает сторонников самого высокого социального «качества» – детей элиты, аспирантов престижных ВУЗов и блестящих молодых ученых, и так далее. С этой точки зрения, кульминация НП осталась далеко позади: если на первом этапе традиционализмом увлекались лидеры богемной среды, то новые сторонники Дугина рекрутируются из числа обладателей гораздо более скромного интеллектуального и творческого потенциала.

Послесловие 2010 года

Эта статья была закончена пять лет назад, в 2005 году. Автор был тогда на 5 лет смелее, и решился на то, на что, пожалуй, не решился бы сегодня – делать предсказания. Теперь, став на тот же срок мудрее, он готов признать шаткость оснований, на которых эти предсказания делались. Тем не менее, я возьмусь утверждать, что в основном угадал направление дальнейшего развития событий. Пять лет назад я писал: «Дугин останется заметной фигурой, но ему не удастся добиться существенного расширения своей аудитории или большего распространения своих взглядов по сравнению с тем, насколько они распространены теперь». И это, пожалуй, правда.

Дугин остался популярным медийным персонажем, но, кажется, скорее в качестве курьеза, как экзотическая и в чем-то комическая фигура. Его частые появления на экране скорее свидетельствуют о девальвации российской политической аналитики, чем об увеличении его влияния. Я сознаю, что это утверждение сложно как подтвердить, так и опровергнуть: как можно надежно измерить политическое влияние эксперта? В качестве приближения, однако, можно использовать следующее: как часто теория, к которой прибегает эксперт, используется как официальная мотивировка политических решений? И как часто мы можем предполагать, что она была источником самого решения, даже если официальная мотивировка была иной? Ни по одному из этих параметров успехи Дугина нельзя оценить как очень впечатляющие. «Евразийское пространство» превратилось в один из иногда всплывающих в политической риторике штампов, но в гораздо более мягкой форме – не как единство Великой Суши от Дублина до Владивостока, а как союз Москвы с постсоветскими среднеазиатскими режимами. В качестве слогана, под которым делается политика, его важность далеко уступает важности многих других («властная вертикаль», «сырьевая империя»), к вхождению которых в оборот Дугин ни малейшего отношения не имеет. Конфликты с Украиной, Грузией и Беларусью, широко ощущаемая «китайская угроза», наконец, массовая кавказофобия сделали рассуждения о геополитическом единстве Великой

Суши малоубедительными как для политического класса, так и для электората. Соображения, которыми мотивируются (и, вероятно, диктуются) внешнеполитические действия современного политического режима, не имеют к мистическим конструкциям Дугина ни малейшего видимого отношения. Нет необходимости прибегать к гипотезе скрытого влияния последнего, чтобы объяснить события последнего десятилетия, от новогодних «газовых войн» до отравлений в Лондоне. Политические устремления, стоящие за этими событиями, можно критиковать как империалистические и циничные, но в них нет и следа дугинского экзальтированного идеализма. Антиамериканизм, который эксплуатировал Дугин, разумеется, присутствует и в российской внешней политике, но единство взглядов по этому пункту не перевешивает расхождений по всем остальным составляющим программы. Можно ли упрекнуть российский политический мейнстрим в анти-консюмеризме или идейном экономическом антилиберализме?

Мало кто сомневается, что Дугин и его Евразийский Союз Молодежи получали поддержку от Администрации Президента, но эта поддержка, видимо, связана с исполнением ими очень специфической политической роли. Блог ЕСМ служит для слива особо скандального компромата на лидеров оппозиции, явно полученного силами спецслужб, а сами его представители участвуют в потасовках с участниками «Маршей несогласных». ЕСМ осуществлял и осуществляет всевозможные сомнительные информационные акции и политические флеш-мобы, от которых сама АП предпочитала дистанцироваться. Парадоксально, но западные политологи, внимательно следящие за успехами Дугина, могут быть еще одной причиной, по которой он сам и его сторонники пользуются политическим покровительством. Нарочито небрежно закамуфлированная поддержка имеет значение скрытого послания: у режима есть альтернатива либеральной схеме легитимации, и, оказавшись под слишком сильным давлением, он может обратиться и к совсем другой риторике. Как и большинство угроз, эта озвучивается, чтобы никогда не быть исполненной. Как и все угрозы, она имеет силу лишь постольку, поскольку кто-то готов ее услышать. Комментаторы успехов Дугина служат каналом, по которому угроза достигает адресата.

Таковы отношения Дугина с режимом. Интерес к нему как мыслителю со стороны различных секторов публики скорее сократился за последние годы, чем вырос. Поддержка Путина лишила его оппозиционной части аудитории, в том числе националистической. То же самое, видимо, справедливо в отношении богемной/(квази) интеллектуальной публики. В случае последней, изменение отношения к Дугину совпало с потерей интереса к большей части составляющих его идеологического синтеза - традиционализму Генона, мистическим изысканиям Третьего Рейха, магии, геополитике в стиле Хаусхофера и т.д. Сложно сказать, что здесь было причиной, а что – следствием: разочарование в идеологе стало причиной разочарования в идеологии, или наоборот. Факт разочарования, однако, налицо. Казалось, начавшее появляться в 90-х широкое «новое правое» дви-

жение не породило ни одной фигуры, сравнимой с Дугиным по масштабу, которая могла бы, например, продолжать обращаться к оппозиционной аудитории после того, как Дугин ее потерял, на том же самом языке. Даже самые известные бывшие единомышленники Дугина, Вадим Штепа и Аркадий Малер, остались очень мало известны за пределами своих узких кругов. Кажется, что сам язык вышел из моды. Даже те, кто защищает сегодня Сталина, делают это скорее на языке реалистических (в смысле Кеннета Уолтца) теорий государства и международных отношений, Валлерстайна или левых критиков неолиберализма (см. сверхпопулярные книги Паршева). Даже православные фундаменталисты говорят об идентичности и охотнее цитируют Хантингтона, чем Генона. Импорт радикальной альтернативы социально-научному мейнстриму не состоялся, и даже если сам мейнстрим переосмыслился и начинал использоваться в целях, удививших бы его авторов (например, превращение «закона мигрирующего ядра миротехнологической системы» Валлерстайна в оптимистическое предсказание для России), строительный материал, из которых возводились эти конструкции, имел вполне знакомое происхождение.

В одном отношении картина, нарисованная мною 5 лет назад, оказалась вопиюще несовпадающей с реальностью на следующем временном отрезке. Тогда я «констатирова[л], что участники движения не достигли практически никакого успеха в институциональной и дисциплинарной легитимации своей доктрины». В 2008 году Дугин возглавил Центр консервативных исследований на Социологическом факультете МГУ, в крупнейшем и одном из старейших университетов, с советских времен считающемся «первым ВУЗом страны». Значительная часть его активности с тех пор развернулась в стенах соцфака. Хотя Дугин и не озабочен вглубиться в соответствующий предмет⁵⁶, но регулярно подписывается профессором социологии⁵⁷.

Чуть более пристальное изучение ситуации, однако, делает этот успех менее впечатляющим, чем можно подумать. Факультеты социологии накануне и после распада преимущественно создавались как результат перепрофилирования персонала, отвечавшего за преподавание исторического материализма и научного коммунизма. Во внутриуниверситетском разделении обязанностей они обычно играют роль ниши для наименее мотивированных академически, и, при этом, не

⁵⁶ О глубине его суждений в этой области свидетельствует, например, такой отрывок из вывешенного на сайте Центра анонса его лекции от 26 октября 2010: «Генон строит свое учение на оппозиции современное общество – традиционное общество, или Модерн – Традиция. Он противопоставляет их, считая антитезами. Точно также поступает социология. ... Генон и социологи описывают и то, и другое. Эти описания в целом сходятся. В этом смысле Генон социолог.»

⁵⁷ Я затрудняюсь объяснить неспособность Дугина освоить социологию, даже в тех ее частях, которые могли бы с большим успехом использоваться в его традиционалистском синтезе (например, корпоративизм и социологический мистицизм Дюркгейма). Возможно, период жадного заглатывания литературы закончился для него еще в 90-х, и сейчас он уже не способен что бы то ни было к нему прибавить. Его лекции по «структурной социологии» полностью повторяют содержание текстов десятилетней давности, и, разумеется, не имеют никакого отношения к тому, что сегодня называется «структурной социологией».

слишком обеспеченных студентов, которым университету жалко отказать⁵⁸, но которых также не соглашаются принять факультеты, заботящиеся о своем интеллектуальном или социальном профиле. Нетребовательная к содержанию образования, эта группа соглашается на то, что им могут преподавать бывшие научные коммунисты. Иногда, однако, эта сравнительно однородная среда испытывает влияние студентов с несколько иными устремлениями. Именно это и случилось на Соцфаке МГУ, на котором группа активистов потребовала апгрейда образовательных программ, обновления преподавательского состава, приглашения известных специалистов и т.д. и т.п.⁵⁹ Их требования получили широкую поддержку за пределами университета, отчасти имеющую своим источником распространенное недовольство деканом факультета, Владимиром Добреньковым. Известный своими консервативными взглядами, Добреньков сосредоточил в своих руках контроль над Учебно-методическим объединением по социологии, утверждающим национальные образовательные стандарты, аккредитирующим программы и официально рекомендуящим к использованию учебники, и в этом качестве нажил себе много врагов, в основном среди ученых с более либеральными взглядами и ориентацией на интернациональную науку. Анти-Добреньковская коалиция собрала досье, содержащее многочисленные доказательства плагиата в текстах декана и апеллировала к государственным органам и ректору университета, прося отстранить того от дел. Добреньков, однако, отбил направленные на него атаки, исключил или вынудил уйти самостоятельно недовольных им студентов и сохранил деканское кресло. Но, сохранив место, он не смог сохранить репутацию: даже весьма сочувственно относящиеся к его консервативным взглядам коллеги предпочитали держаться от него подальше, а его влияние за пределами факультета было потеряно. И без того ретроградные взгляды Добренькова в этой ситуации радикализировались. Именно в этой ситуации он пригласил Дугина занять профессорскую кафедру. Добренькова упрекали в неспособности обеспечить факультету интернациональное признание – и Дугин к его удовольствию пригласил в МГУ тех, кого называл «ведущими европейскими интеллектуалами» (включая Алена де Бенуа) и поддерживал в нем уверенность, что в его лице факультет получил социологию будущего.

Вряд ли создавшийся альянс что-то добавил к репутации факультета. Даже в терпимом к подобным прегрешениям российском академическом мире она оказалась безнадежно испорченной. Ректор МГУ, отказавшийся отстранить Добренькова, тем не менее вскоре создал неподконтрольный тому новый факультет, также преподающий социологию. Добавил ли этот союз что-то к весу Дугина? С од-

⁵⁸ Финансирование ВУЗа в России жестко привязано к численности обучающихся.

⁵⁹ Хронологию событий на соцфаке МГУ и посвященные им аналитические тексты см., например: Соцфак МГУ // Полит.Ру: сюжеты. 2007-2010. <<http://www.polit.ru/story/sozfak.html>>; Российская социология: локальный и глобальный контекст // Laboratorium. 2009. № 1. <<http://www.soclabo.org/rus/journal/5/>>.

ной стороны, он приобрел некоторый налет академической респектабельности. В 2009 он, например, выступал в качестве пленарного докладчика на Днях петербургской философии (другим приглашенным спикером был Юрген Хабермас). С другой стороны, связь с отверженным Добреньковым вовсе не обеспечила ему влияния в дисциплинарном поле. В качестве одного из результатов конфликта, Учебно-методическое объединение потеряло свои функции по утверждению национальных образовательных стандартов, перешедшие в руки экспертов министерства. Добреньков повсеместно стал восприниматься как «старый человек со странностями», и Дугин невольно превратился в одну из этих странностей. Факультет социологии никак не мог обеспечить ему подходящую трибуну для увеличения своего влияния.

Мой прогноз, таким образом, остается прежним. Дугин не потерпит абсолютного краха в ближайшие годы, но будет существовать в качестве медиа-диковинки. Предложенный им «новый правый» синтез не встречает отклика в материалистическом и циничном политическом сознании современной России, и не встретит до тех пор, пока сам этот климат радикально не изменится⁶⁰. Эффект его эстетической новизны аналогично исчерпан, и, вероятно, не подлежит возобновлению. «Новый правый» традиционализм пережил примерно десятилетние циклы популярности в нескольких странах континентальной Европы – во Франции и Бельгии в 60-х-70-х – за которыми следовал спад. Некоторые крупные фигуры – как, например, упоминавшийся выше Аллен де Бенуа – переживали его, сохраняя некоторую долю публичной видимости, но история движения в целом заканчивалась. Складывается впечатление, что в России аналогичный цикл пришелся на вторую половину 1990-х – начало 2000-х, и что теперь он подошел к концу.

⁶⁰ Складывается впечатление, что Дугин сам это вполне ощущает, избегая в последние годы обращений к мистическим увлечениям своей политической юности и постоянно пытаясь перевести выработанные тогда идеи на язык более конвенциональной социальной науки (см. например перевод Генона на язык «социологии» во фрагменте выше). Постольку, однако, он начинает пользоваться последним, он теряет всякое обаяние оригинальности.